

разбирая как английская литература связана с американской. Не то чтобы она действительно была с нею связана и вместе с тем не то чтобы действительно не была связана. Но это опять-таки самостоятельный вопрос.

Итак начнем сначала не начнем сначала а просто расскажем о том как возникла английская литература, возникла во мне. Короче говоря что такое английская литература.

Как я говорю в описании наполненной всецело наполненной повседневной жизни на острове и заключена слава Англии. Задумайтесь о Чосере, задумайтесь о Джейн Остен, задумайтесь об Энтони Тrollope, а жизнь вещей замкнутых в этой повседневной жизни и есть поэзия, задумайтесь обо всех лирических поэтах, задумайтесь о том что они говорят и о том что у них есть. У них есть замкнутые с ними вместе в повседневной жизни на острове но всецело замкнутые с ними все те вещи одно перечисление которых уже порождает поэзию, и они знают как перечислять и действительно перечисляют и они знают как создавать и действительно создают поэзию, это перечисление. Все это лишь одна сторона английской литературы и любой конечно же знает, откуда она прорастает, повседневная жизнь наполненная повседневная жизнь и те вещи что замкнуты вместе с этой наполненной повседневной жизнью.

Так как вещи замкнуты они свободны а этим создается еще больше поэзии гораздо больше поэзии. Очень легко понять почему в Англии написано столько поэзии.

На материке даже в маленьких странах на материке, повседневная жизнь это безусловно некая повседневная жизнь но она не удерживается внутри как на острове и в этом состоит огромная разница, и я вполне уверена что даже если она и не кажется вам одним и тем же любому и в самом деле ясно что это если это верно действительно верно. Если это верно об английской литературе то это действительно верно об английской литературе.

Знание английской литературы как английской литературы приходит сравнительно рано к тем из нас кто читает так же естественно как мы читаем то есть как бегаем.

Она начинается если начинается она начинается с очерков Лэма о Шекспире. И как так выходит что они и есть та самая повседневная жизнь на острове английская повседневная жизнь на острове. Но они действительно таковы. И они таковы из-за своей поэзии, а поэзия такова из-за реальности всей той жизни что замкнута внутри, так всецело сладостно, так осторожно и на самом деле замкнута вместе с их повседневной жизнью.

Я помню ну не могу сказать что и в самом деле помню но я и в самом деле ощущаю и ощущала будто я и в самом деле ощущала и помнила и помню это.

А в поэзии того времени в их поэзии стоит ли вообще вопрос о различии в литературе между ее служением богу и маммоне.

Да пожалуй немного кое-чего о том времени. Они знали свой стиль знали что есть два стиля. Был такой стиль что те кто бегают читает и был еще один стиль такой стиль что те кто читает не бегают. Им незачем бегать потому что не с чем и не от чего бежать.

В этом и состоит разница между служением богу и служением маммоне, а промежуток времени после эпохи Чосера и вплоть до эпохи Поупа Гиббона Джонсона и был такой эпохой. Но как можно, как можно не бежать.

Говоря о служении Богу и Маммоне я конечно же имею в виду религию единственно в смысле потребности завершить то что в любом из нас старается себя наполнить. И внутри вас это что-то может быть частью единого целого а может и не быть. Если это так то это наполненная повседневная жизнь, если нет то нет.

Как я говорю в этот период от Чосера до Поупа Гиббона и Джонсона и Свифта, очень многие вещи наполнили всех кто нуждался в том чтобы быть наполненным, конечно это касается только тех в ком есть активная потребность быть полностью завершенным кого все это волнует.

Как я говорю в течение этого долгого периода повседневная жизнь на острове была там целиком и полностью в буквальном смысле и повседневно и просто была, была там и поэзия вещей замкнутых вместе с этой повседневной жизнью но там были и другие вещи и эти другие вещи происходили от других причин и все эти причины беспокоили ровно настолько чтобы стиль мог почувствовать что есть служение богу и служение маммоне для тех кто пишет куда пишется. Что еще им остается делать.

В течение этого долгого периода а этот период был долгим, очень мощно долгим в Англии произошло великое множество событий и по мере того как они происходили внутри Англии они до некоторой степени разрушили или по крайней мере внесли путаницу в повседневную жизнь на острове.

Когда путаница приходит на остров извне она вскоре прекращается а если нет ее поглощают, вот что произошло в начале этого периода норманнское завоевание но когда путаница приходит изнутри тогда это очень путаная путаница потому что это путаница внутри повседневной жизни острова. Вот что происходило в течение всей завершающей стадии этого долгого периода гражданские войны в Англии периода от Чосера до Свифта Гиббона Поупа и Джонсона а потом все снова улеглось и наступила повседневная жизнь на острове только от недавней путаницы кое-что осталось и тогда же возникла английская литература восемнадцатого века а потом пришел девятнадцатый век а потом больше не было путаницы но только полное включение в повседневную жизнь на острове. То что было снаружи оставалось снаружи а то что было внутри оставалось внутри, и как вообще мог возникнуть вопрос о боге и маммоне, когда то что внутри внутри а то что снаружи снаружи бога и маммону перепутать нельзя.

Может так а может и не так но во всяком случае это один из тех способов какими можно прожить жизнь, создать литературу.

Итак история английской литературы начинает проявляться, история английской литературы. Конечно если бы английский народ не был таким какой он есть он бы не создал из этой повседневной жизни на острове той литературы которую все-таки создал. Тут есть доля истины. Во всем что ни возьми есть доля истины. Но в этом уж наверняка.

То что произошло до Чосера, норманнское завоевание так как оно пришло извне было одной из тех вещей которые как я уже сказала не вызывают путаницы. На какое-то время они вносят беспорядок но они не вызывают путаницы, это совсем другая история. Итак когда со всем этим было покончено перед английской литературой стояла все та же задача описывать повседневную жизнь на острове и Чосер с ней справился, а также создавать поэзию вещей что замкнуты вместе с этой повседневной жизнью на острове и Чосер определенно с ней справился. Любой знающий человек определенно это припомнит. Но и об этом не нужно забывать, в этой повседневной жизни на острове появились слова которых раньше не было и эти слова хотя и не создавали путаницы все-таки стали причиной отделения.

Это отделение важно при создании литературы, потому что существует так много способов ощутить самого себя и здесь полезен каждый новый способ, и отделение может оказаться чрезвычайно полезным, и в самом деле может, может, может быть очень полезным. И оказалось таким.

Как вы может быть знаете а может быть и нет я читаю огромное количество елизаветинской прозы и поэзии и эту эпоху я ощущаю как кульминацию всего этого.

Путаницы не было но оставались пережитки отделенности и эти пережитки отделенности стали причиной раскола внутри написанного писателем. Он знал что положено делать две вещи но которую из них следовало делать ему. В то время был выбор выбор относительно того каким образом писателю следует писать. И этот выбор когда такой выбор имеется писатель может ощущать и в самом деле ощущает как выбор между служением Богу и служением Маммоне. Этот выбор никак не связан с религией, он никак не связан с успехом. Он связан с чем-то несколько отличным от этого, он связан с завершенностью.

Как вообще завершается любая вещь. А если не завершается то могла ли бы, и есть ли выбор.

Это ощущается во всей елизаветинской литературе.

Путаницы нет но есть отделенность и у каждого кто этим занимается то есть пишет, я говорю о елизаветинцах у них внутри них, было это беспокойство.

Естественно что такое беспокойство должно было быть. Бог и Маммона, бог и маммона, это был пережиток и он был с ними и во всех елизаветинцах жили это беспокойство, этот выбор, в каждую минуту их письма. Была и повседневная жизнь на острове и она рождала поэзию и рождала прозу но была также и эта отделенность и она и рождала поэзию и рождала прозу но в выборе в выборе было все дело. При подлинно повседневной жизни на острове выбор не в счет. Внешняя отделенность переросшая во внутреннюю отделенность породила эту вещь. Задумайтесь над тем как это жило в любом елизаветинце, в любом елизаветинском сочинении, в любом елизаветинце который сочинял.

И это было неразрывно связано со словами.

А теперь мне пожалуй следует немного яснее объяснить что я понимаю под служением богу и маммоне в литературе то есть будучи писательницей создающей литературу.

Когда я говорю бог и маммона о пишущем писателе, я имею в виду что чтобы что-то сказать любой может использовать слова. И используя слова чтобы сказать то что он намерен сказать он может использовать их прямо или косвенно. Если он использует слова косвенно то он говорит то что хочет чтобы услышал тот кто должен их услышать и поступая так он неизбежно вынужден служить маммоне. Маммона может быть успехом, маммона может быть усилием которое ему необходимо продемонстрировать, маммона может быть удовольствием которое он получает слушая о том что сам же сделал, маммона может быть его способом объяснять, маммона может быть ленью которая не требует ничего иного кроме продолжения, короче говоря маммона может быть чем угодно из того что делается косвенно. А вот служение богу для пишущего писателя это изложение всего чего угодно напрямую, не важно что это но оно должно быть изложено прямо, между создаваемой вещью и создателем должна быть прямая связь. Так достигается завершенность а сутью завершенной вещи является завершенность. Мне очень многое довелось сказать об этом в жизнеописании Генри Джеймса в моей работе *Четверо в Америке* и сейчас я не собираюсь больше говорить об этом. Но постепенно вы поймете что я хочу сказать. А если нет то почему бы и нет.

Но вернемся к английской литературе.

Английская литература когда она прямо и полно описывает повседневную жизнь на острове начиная с Чосера и вплоть до сегодняшнего дня и в самом деле в полной мере обладала этим свойством завершенности. Английские поэты-лирики которые описывали вещи замкнутые вместе с этой повседневной жизнью на острове также обладали этой прямоотой завершенности.

Однако и это очень важно непосредственно до и во время елизаветинской эпохи была и другая забота была отделенность, несоответствие между завершенностью и незавершенностью и каждый смутно ощущал что нечто подобное существует внутри него самого.

Это было так если хотите из-за того что два языка еще только сливались воедино это было так если хотите из-за того что, хотя они и жили повседневной жизнью на острове, у них все еще, у значительной их части, все еще сохранялись воспоминания о том как они не жили повседневной жизнью на острове. И это вызывало странное беспокойство которое любой может почувствовать в их письме, письме любого из писавших в течение всей той эпохи. И это достаточно естественная вещь.

Оно присутствует во всей прозе и во всей поэзии того долгого периода. Все так подвижно, и в этом его самая характерная черта все так подвижно, все движется вверх и вниз и вперед и назад и вправо и влево и кругом и кругом. И это делает его таким увлекательным. И это также порождает такое несоответствие внутри него.

Если вы внимательно обдумаете написанное любым из писавших в тот долгий период вы поймете что я имею в виду. Вдумайтесь в то одно что вы знаете лучше всех остальных и вы поймете что я имею в виду. Путаницы не было, как я уже сказала сумятица пришла извне и была поглощена внутренним а в процессе поглощения как это происходит при здоровом пищеварении сумятицы не было но по завершении пищеварения с неизбежностью наступило разделение.

И это очень ясно видно из написанного а написано в тот период было очень много. Естественно было ожидать что написано будет очень много потому что оживление и выбор неизбежно порождают большой объем написанного.

Тот период отличался постоянным выбором постоянными решениями и у слов была та живость что свидетельствует об их постоянном подборе.

Вот что ее создает литературу какова она есть.

И так как весь тот период отмечен необходимостью подбора и живостью связанной с подбором весь тот период отмечен также потребностью в завершенности. Потому что зачем вообще делать выбор если не будет завершенности. А значит они понимали четко понимали разницу между служением богу и служением маммоне, разницу между прямым и косвенным, разницу между разделением и завершенностью. Они это понимали. И они понимали это так как понимали. Это тоже очень реальная вещь. Так вот хотя в течение всего того периода существовала повседневная жизнь на острове, они переваривали то что она есть и что была она не всегда.

И это отразилось на письме которое тогда создавал любой кто только не писал.

Потом наступил еще один период после того периода когда они не писали так много, потому что во-первых все перепуталось неразбериха в повседневной жизни на острове возникшая изнутри, гражданская война в Англии, она все перепутала, а затем мы подходим к началу того периода когда все снова прояснилось и повседневную жизнь на острове проживали с такой ясностью что не могло быть ничего иного кроме выражения того что это было именно так. Именно этот период дал Свифта и Гиббона и Поупа и Джонсона и им больше не нужно было подбирать слова они могли просто радоваться тому что используют. И так они и делали. Никто так не радовался использованию того что имел как они. Нигде больше не было разделения, в ходу была завершенность.

Говоря так каждый это ощущает.

Как я говорю удовольствие от любой литературы заключается в том что вся она внутри вас. Это единственная вещь которую можно целиком и полностью удерживать внутри себя.

Именно из этого и состоит литература из слов подбираете вы их или используете, есть ли они вообще используете ли вы их или нет и не исчезли ли они совсем пока вы по-прежнему их используете. И это то что делает век веком. У одного века слова есть, другой век слова подбирает, третий слова использует а потом последующий использует слова уже не располагая ими.

Все это пока оно внутри вас что-то определяет оно определяет что у вас есть когда вы что-то пишете, оно определяет что вы завершаете если вы что-то завершаете, оно определяет обращаетесь ли вы к чему-то что-то выражая. Короче говоря оно определяет что вы делаете приступая к письму что вы определенно делаете, то есть что я определенно делаю.

Итак как я говорю каждый век идет своим путем а под веком конечно можно понимать более длинный или более короткий отрезок времени но вообще говоря век как правило и почти всегда это что-то около ста лет.

Так вот несмотря на то что и всегда в Англии в английской литературе присутствовало это завершенное и прямое и простое и подлинное описание их повседневной жизни, их повседневной жизни как они каждый день ею жили на своем острове и которая составила подлинный стойкий массив их письма а также всегда присутствовало и то описание которое составило их лирическую поэзию описание всей повседневной жизни всего что замкнуто внутри их повседневной жизни, всех вещей что росли и летали и имелись чтобы быть частью их повседневной жизни, в каждом веке из-за того что внешнее проникало во внутреннее а потом превратившись во внутреннее становилось внутренним, или из-за того что внутреннее вызывало путаницу во внутреннем или из-за того что по решению внутреннего все внутреннее объявлялось устоявшимся как будто никогда и не было внешнего или опять же позднее и это было в девятнадцатом веке когда внутреннее так прочно обосновалось внутри что все внешнее могло быть вовне а внутреннее по-прежнему все было внутри, в каждом поколении это влияло на литературу потому что в конце концов то как вы пишете неразрывно связано с тем где вы есть при условии что вы есть хоть где-то, а вы конечно и неизбежно где-то есть.

Итак еще раз так как английская литература вся внутри вас или внутри меня давайте посмотрим как в каждом веке было принято смотреть, то есть как было принято выражаться.

Приятно думать насколько каждый век отличается от других и почему это так. А еще приятно думать о том как по-разному звучат в каждом веке слова стоящие рядом и почему это так.

Приятно ощущать звуки когда слова стоящие рядом звучат настолько по-разному.

Мне всегда очень нравились книги с небольшими цитатами в начале каждой главы. Мне особенно нравится когда цитаты очень разные и многие из них принадлежат более или менее значительным писателям. Мне также иногда нравится когда цитаты принадлежат только одному или двум писателям. Это делает предельно явным то как звучат слова когда они рядом даже одни и те же слова когда они из разных веков или от разных писателей. Мне очень нравится вот так ощущать насколько полно написанное выражает то что выражает.

Но снова о том что делают различные века и как они это делают и хотя все это известно потому что это все настолько известно, все это различается. И выходит что английская литература очень стойкая, а ее реальность реальна а поэзия очень поэзия. И она действительно менялась в каждом веке.

Я не слишком сильна в датах но вообще говоря было пять веков и сейчас мы в двадцатом веке что составляет шестой век а за ним мы отправляемся в Америку. Итак

начинаем прямо сейчас. То есть начинаем снова с любого из них из тех пяти что обращают английскую литературу.

Как бы мне хотелось четко донести до вас разницу между словами и предложениями а потом их постепенным изменением в каждом веке и то как это понимаю я. Как бы мне этого хотелось. Мне бы этого и правда хотелось. Потому что если бы я могла это сделать тогда ни слова ни то как они выражают то самое для чего их используют уже не были бы важны или хоть как-то важны или были бы важнее всего.

Вы наверняка помните Чосера, даже если не читали его вы наверняка помните не то как это выглядит но как звучит, как просто звучит его звучание. Это как я говорю потому что слова уже были на месте. Их еще не нужно было подбирать, нужно чтобы они просто были просто были на месте.

Это порождает звук который нежно поет который нежно звучит но звучит как звуки. Он звучит как звуки конечно же как слова но звучит как звуки. Он звучит как звуки то есть как птицы а также как слова. И это потому что слова на месте, их не подбирают как слова, они уже на месте. Вот так звучит Чосер.

А потом наступает долгий период. В тот долгий период было подобрано очень много слов. Все занимались подбором слов. В поэзии того долгого периода так же как и в прозе все беспрестанно занимались подбором слов. И по мере того как слова подбирали, звуки получались очень разными. И это естественно потому что каждому нравилось то что нравилось ему. Их не слишком заботило что ими выражалось хотя они знали что то что ими выражалось имело большое значение но им нравились сами слова, и всегда подбирали слово и еще одно и еще одно слово с ним по соседству. Вдумайтесь хорошенько в английскую литературу шестнадцатого века и проследите за тем как они подбирали слова, они подбирали их так тщательно что все это складывалось в песню которую им хотелось пропеть. Это была уже не просто песня это была песня из слов подобранных чтобы составить песню которая звучала бы как слова которые они намеревались пропеть. Бессмысленно приводить примеры потому что это верно в отношении всего что тогда было написано. Так как они подбирали очень рано а часто очень поздно и так как часто они подбирали бесконечно а подбор был увлекательным занятием то образуется бесконечное разнообразие длины и краткости подобранных слов гласных и согласных в подобранных словах и в этом все дело все дело заключалось в определенном слове рядом с соседним не менее определенным словом подобранным чтобы соседствовать с ним. Это и составило ту славу что достигла кульминации в эпоху называемую елизаветинской. Просто держите это в голове а потом пойдите и взгляните на это и вы непременно поймете что я имею в виду. Тогда не было путаницы, все могло быть длинным то есть стоящие рядом слова могли быть длинными и могли тянуться дальше а очень часто они были короткими эти стоящие рядом слова и они тоже растягивались но были короткими, но каждое слово было таким каким его подобрали. Подбирая они ничего не теряли в том что выражали. Никогда да никогда.

Путаница возникает тогда когда путают то что говорят с теми словами которые подбирают. И они это знали. Они это знали, и это немного заметно уже в конце эпохи Шекспира заметно что она немного приблизилась что возникает путаница. Эта путаница возникает когда отказываются от подбора, стоящие рядом слова уже не подбирают так строго потому что желание сказать то что говорят важнее чем сам всепоглощающий подбор стоящих рядом слов которые необходимо подобрать.

Когда это начинается тогда и возникает путаница.

Как я уже сказала по окончании этого долгого периода накануне восемнадцатого века возникла путаница, возникла внутренняя путаница. То что раньше означало

все стало значить лишь что-то одно и уже не значило всего означая что-то одно и все они задумались о том что они хотели сказать и как они хотели это сказать.

Как только все они задумываются о том что они хотят сказать и как они хотят это сказать они больше не подбирают. А когда они больше не подбирают тогда с точки зрения письма они уже не служат богу они служат маммоне. И не важно что это и насколько это тонко и насколько религиозно то что они хотят сказать.

Зачем все это нужно если никто не знает что я хочу сказать и зачем все это нужно если все и в самом деле хотят знать все что я хочу сказать.

В общем как бы там ни было в конце той великой эпохи они стали больше задумываться о том что они хотят сказать а также о том как они хотят это сказать. Пожалуй это лучше поменять местами, они стали больше задумываться о том как они хотят сказать то что решили высказать чем о подборе слов выражающих то что они намеревались этими словами высказать высказать стоящими рядом словами.

Это близко к тому что я действительно хочу сказать.

Итак мы подходим к той путанице о которой я говорила и которая проявляет себя у Мильтона и продолжается вплоть до Поупа и Гиббона и Свифта и Джонсона.

Потом как я говорю путаница рассеялась. Никого уже по-настоящему не интересовало что говорили другие. Они больше не подбирали слова чтобы ставить их рядом но они действительно подбирали и точно подобрали все слова которым предстояло сочетаться.

К этому времени уже не было путаницы и не было интереса ни к тому что следовало высказать ни к тому как это следовало высказать Путаницы не было. Был подбор но то был

подбор завершенной вещи и поэтому раз не могло быть ее завершения так как ее и подбирали из нее и совершался подбор она уже была завершенной вещью, то внутри них естественно раскола не было, ничто ни от чего не было отделено. В результате все сложилось очень четко в результате все стало таким завершенным, в результате подбиралась целостная вещь, и поэтому слова стояли не рядом друг с другом но все слова следуя друг за другом были вместе.

Вот так-то.

Если вы вспомните восемнадцатый век в английской литературе вы поймете насколько он был прозрачен. Но никогда не забывайте что они всегда вели островную жизнь и живя этой повседневной островной жизнью они ежедневно описывали эту повседневную островную жизнь.

Они писали очень много.

И вот постепенно что-то назревало. Повседневная островная жизнь по-прежнему была повседневной островной жизнью, она была такой больше чем когда-либо, потому что постепенно завершенная вещь уже не представляла никакого интереса для того кого интересовал подбор, потому что все чем все они жили а они могли жить не иначе как повседневной островной жизнью и постепенно завладели всем, и хотя ничего из того чем они владели они не перенесли в свою островную жизнь, поскольку они владели всем за ее пределами и ничего из этого не перенесли вовнутрь их естественно больше не интересовал подбор завершенных вещей. Это стало началом девятнадцатого века.

Каждый может понять насколько это естественно.

Если вы живете повседневной островной жизнью и живете ею каждый день и владеете всем или достаточно многим чтобы назвать это всем за пределами своего острова вас естественно не интересует завершенность, но вы естественно заинтересованы в том чтобы рассказывать как вы всем этим владеете. Но естественно что еще больший интерес вы проявляете к описанию повседневной островной жизни, потому

что чем полнее вы описываете повседневную островную жизнь тем основательнее и прочнее вы владеете всем тем чем владеете что будучи почти всем может быть названо чем-то и всем чем угодно.

О да вам и правда понятно.

Вам и правда это понятно.

А как это связано с письмом.

Это очень тесно связано с письмом.

И в этом веке в этом девятнадцатом веке беспокоить могло все что угодно и действительно беспокоило.

Итак вам понятно что вплоть до девятнадцатого века появилось и исчезло много вещей и каждый раз когда что-то появлялось и исчезало бывало написано очень много всего. Это опять же неизбежно для повседневной островной жизни, уж если они вообще пишут то пишут очень много. Либо ничто не достойно описания либо все достойно описания. Это любому ясно.

А повседневная островная жизнь всегда была достойна описания и поэтому они всегда очень много писали. Что еще им оставалось делать. Учитывая что они жили этой повседневной островной жизнью и каждый день осознавали это и каждый день были замкнуты вместе со всей этой повседневной островной жизнью каждый день что еще им оставалось делать как не говорить о ней каждый день, и говоря о ней каждый день они писали ее каждый день почти что каждый день.

На тот момент как все знают было создано очень много английских сочинений очень очень много английских сочинений, и это была поэзия и это была проза.

По сравнению с использованием слов будь то слова которые были на месте как у Чосера, будь то слова оживленно подбираемые чтобы стоять рядом одно рядом с другим как в долгий последующий период, а в тот долгий период было подобрано так много слов подобрано так много слов чтобы соседствовать друг с другом что не бывает удовольствия сильнее.

В конце того долгого периода когда в слова подобранные чтобы соседствовать друг с другом постепенно был внесен беспорядок вызванный намерением определить как нечто следует выражать а не чем было нечто отличное от данной вещи а также что это за способ которым по их разумению следует высказывать данную вещь. Это был период моды и путаницы период реставрации.

А потом пришло время когда все было настолько заверренным что вопрос о том подбирать слова или не подбирать уже никого по-настоящему не беспокоил. Они знали что делать потому что все было сделано так хорошо.

А потом начались наполеоновские войны и Англия стала всем владеть И что же произошло.

Как я говорю произошло то что повседневная островная жизнь стала более чем когда-либо повседневной жизнью. Если бы она не стала такой она бы затерялась в их беспредельном владении а если бы она затерялась в их беспредельном владении тогда естественно они перестали бы всем владеть. Любой в состоянии это понять.

Им нужно было находиться внутри целиком и полностью внутри своей повседневной островной жизни для того чтобы владеть всем за ее пределами так как в тот момент они действительно владели всем.

А что же случилось, что же случилось с их письмом. О это очень интересно. Это интересно потому что очень важно с точки зрения служения Богу и Маммоне, это интересно из-за влияния которое она оказала на слова и предложения. Это интересно потому что до сих пор мы находимся в тени этой вещи. Это интересно.

Прежде всего менялось ли оно быстро.

И нечто о чем всегда следует помнить в связи с войнами то есть катастрофами, они заставляют перемены те самые перемены которым предстоит стать переменами ускорять свой ход ускорять свой ход настолько же насколько быстро развивается война, а ведь даже медленная война медленная катастрофа развивается довольно быстро.

Вообще-то любая вещь развивается довольно быстро, то есть довольно быстро меняется. Меня всегда поражает как сильно изменился даже сельский семейный уклад как сильно изменился семейный уклад, как целиком и полностью изменился семейный уклад скажем за пять лет.

Это всегда так но катастрофа заставляет говорить об этом с большей убежденностью.

Во всяком случае это было так хотя они в своей повседневной жизни и не говорили что это так это было так применительно к жизни Английской Литературы.

В конце концов не так уж долго она и существует английская литература а уже через столько прошла. И вот настал девятнадцатый век и очень многие вещи исчезли.

То что слова были там на месте сами по себе просто-напросто исчезло. То что слова оживленно подбирали чтобы они соседствовали друг с другом исчезло.

Исчезла и путаница связанная с тем как и каким образом любому в то время предстояло обнаружить способ позволявший сказать то что им надлежало высказать.

И ясность того что обладает завершенностью это тоже исчезло полностью исчезло.

Так что же им следовало делать и как они это сделали.

Они жили своей повседневной жизнью и владели всем, всем что существовало где угодно за ее пределами.

И все писали все всегда писали и как они это делали.

Как я уже сказала мы до сих пор в тени всего этого.

Прежде всего следует обратить внимание на то что наступило такое время когда они стали объяснять.

До этого в течение всех периодов предшествовавших этому вещи говорились о них знали их описывали о них пели, за них бились их разрушали отрицали заточали теряли но никогда не объясняли.

И вот они начали объяснять. И можно сказать что с тех пор они и продолжают объяснять.

И как я сказала мы до сих пор в тени всего этого.

Так что же они объясняли и почему и как это отразилось на словах и предложениях.

А чем они занимались помимо этого и как с этим были связаны их повседневная островная жизнь и обладание всем за ее пределами.

Появилось объяснение, девятнадцатый век открыл объяснение а какова взаимосвязь между объяснением и сентиментальным чувством, как о нем писал девятнадцатый век. Есть ли она. Да есть. Есть очень четкая взаимосвязь.

Конечно я читала всегда читала ничего другого не делала а только читала все что было когда-либо написано в девятнадцатом веке. Это достаточно естественно ведь я родилась в девятнадцатом веке. Что еще мне оставалось делать как не читать все что можно было прочитать из написанного в девятнадцатом веке до моего рождения или после него.

Я прочла почти целиком прочла все что было написано по-английски в восемнадцатом веке, поэзию прозу и историю, философию мемуары и романы, очень длинные

романы и я прочла их все, я прочла почти прочла и всегда читала, все что было написано по-английски в восемнадцатом веке. Из той долгой эпохи что была до этого от Чосера до восемнадцатого века я прочла достаточно вполне достаточно но конечно же не все, не все так как я читала то что было написано в восемнадцатом веке. Из девятнадцатого века я прочла больше я прочла больше всех и этим я хочу сказать что прочла многое из написанного в девятнадцатом веке а оно было написано кем угодно. И поэтому легко понять что я прочитавшая так много из того что было написано люблю читать написанное. Если нет то почему бы и нет. Но никакого если нет нет, мне и впрямь нравится читать написанное. Итак что же я медленно или вовсе не или с изрядной частотой или очень четко выяснила.

Я уже рассказала о некоторых вещах из тех что я выяснила а теперь о том что я больше чем выяснила о том что я знала каждый день ведь каждый день я читала можно сказать все подряд каждый день. А теперь продолжим про объяснение и про то как оно возникает и про сентиментальное переживание и про то как оно возникает.

Мне хотелось бы чтобы однажды я смогла осмыслить все то что чувствую в отношении сентиментального письма и что оно значит для каждого кто его слышит или пишет или читает. Но сначала все расскажу все о том насколько объяснение чего угодно предложенное девятнадцатым веком отличается от объяснения в другие эпохи и о том что делает английскую литературу девятнадцатого века тем что она есть.

Прежде всего запомните, я помню что слова а затем их подбор или не подбор, знание того что требует выражения или выражение того что они действительно выражают все время менялось.

В девятнадцатом веке то что они думали отличалось от того что они выражали, но они выражали то что думали и они задумывались над тем о чем думали.

Это отличалось от того что было в прежние эпохи.

А теперь о том каким образом фразы становятся фразами а не предложениями, вот что надо выяснить. Потому что для девятнадцатого века это важно. И это и есть все чем является девятнадцатый век. И для того чтобы это понять, необходимо понять что было изобретено объяснение, естественно изобретено теми кто жил повседневной островной жизнью и владел всем остальным за ее пределами. Конечно же они владели и всем внутри нее но этим они владели всегда, а теперь они владели и всем за ее пределами и это укрепляло их владение всем внутри, и это было то же самое только в еще большей степени но так как они владели всем за ее пределами, то тому что было внутри и вовне следовало что-то сообщить о всех этих владениях, в противном случае они могли бы и не помнить обо всех этих владениях и поэтому было изобретено объяснение и это сделало английскую литературу девятнадцатого века тем что она есть. А вместе с объяснением появилось и эмоциональное сентиментальное переживание потому что без сомнения надо было объяснить всем владениям надо было объяснить что ими владеют и любому понятно что если повседневная островная жизнь хотела и дальше вести повседневное существование то необходимо наличие эмоционального сентиментального переживания.

Хотеть рассказать это еще раз точно так же, и запомнить все книги что были написаны и прочитаны, прочитаны любым прочитаны мною, о да прочитаны, и все еще читаются.

Как я уже сказала в девятнадцатом веке то что они думали не было тем что они высказывали, но и это может показаться тем же самым только это не так, они высказывали то что думали и они задумывались над тем о чем думали. Это и сделало девятнадцатый век тем чем он был.

Если вы живете повседневной жизнью и вся она ваша, и вы к тому же начинаете владеть всем за пределами своей повседневной жизни и все это ваше, вы естественно начинаете объяснять. Вы естественно продолжаете описывать свою повседневную жизнь которая вся ваша, и вы естественно начинаете объяснять каким образом вы владеете всем в дополнение к ней. Вы естественно начинаете объяснять это самому себе и еще вы естественно начинаете объяснять это тем кто живет вашей повседневной жизнью и владеет этим вместе с вами, всем за ее пределами, и естественно вы каким-то образом объясняете это некоторым из тех кем владеете. Все это приводит к тому что то что вы думаете это не то что вы говорите напротив вы говорите то что думаете и задумываетесь над тем о чем думаете. Понятно ли вам это, если нет то наверное потому что в конце концов вы не прочли всю английскую литературу девятнадцатого века, но не исключено что вы ее прочли и если прочли тогда вам это и в самом деле понятно. Тогда вам также должно быть понятно что такое объяснение и как оно возникло.

Возможно мы до сих пор немного в тени всего этого.

Я вспоминаю всю английскую литературу девятнадцатого века которую всегда читала. Ее так много и я так много из нее прочла и читала я ее так часто и так я и перечитывала ее снова и снова. И до сих пор ее читаю. Я читаю ее крупными отрывками и небольшими отрывками, это вполне естественно потому что в конце концов когда берешь в руки книгу чтобы ее прочесть а если вы читаете очень много как я читаю очень много книг каждый день и много книг каждую неделю то неизбежно я конечно же читаю много книг которые уже прочла, а так как я прочла все из написанного в девятнадцатом веке, значительное незначительное, прозу, поэзию, историю, науку и целый ряд эссе естественно я читаю их снова. Что еще мне остается делать.

И поэтому я знаю чем она является.

Это достаточно естественно.

Чем же она является.

Я уже сказала чем она является и думаю что она является именно этим. И будучи таковой, она по необходимости была написана так как была написана.

Как я уже сказала восемнадцатый век был ясным и поэтому был выбор и выбор был завершенной вещью а что такое завершенная вещь. Предложение это завершенная вещь и поэтому восемнадцатый век выбрал законченное предложение как завершенную вещь. А что же сделал девятнадцатый век.

Как я уже объяснила он не выбирал завершенную вещь. Любому это понятно если ему объяснить а вещь подлежащая объяснению заключается в том что если вы живя своей повседневной внутренней жизнью владеете всем тем что за ее пределами, то невозможно выбрать законченное предложение завершенную вещь. Это никак невозможно потому что если вы должны объяснить внутреннее внутреннему и обладание внешним внутреннему то это должно быть объяснено внутренней жизни а также также обладание внешним должно быть объяснено внешнему то совершенно невозможно этого добиться с помощью законченных предложений. Любому это понятно, любому. Итак как же в девятнадцатом веке писали.

Они не писали словами которые были бы просто словами как это делал Чосер. С их помощью ничего не объяснишь, и чтобы выработать объяснение слова были слишком простой вещью чтобы в ней нуждаться или ее использовать. Они не подбирали слова чтобы поставить их рядом и оживить их уже одним тем что они поставлены рядом потому что ничто настолько оживленное не может владеть всем. Любой в состоянии это понять. И как я уже сказала они не могли довольствоваться завершенной вещью то есть подбором целого предложения, потому что если вещь является завершенной она не нуждается в объяснении.

Так что же они делали и постепенно если вы задумаетесь над тем как постепенно менялся язык от восемнадцатого века к девятнадцатому вы заметите что он стал жить отдельными фразами, слова сами по себе уже не жили, предложения и абзацы были связаны с членением потому что они всегда таковы однако не они несли основное значение, на первый план выдвинулись фразы. Вспомните английские сочинения на взлете девятнадцатого века и вы поймете что это так.

Они задумывались над тем о чем думали а если вы задумаетесь над тем о чем думаете вы неизбежно будете думать об этом фразами, потому что если вы задумываетесь над тем о чем думаете вы думаете не о целой вещи. Если вы что-то объясняете, то ситуация та же, невозможно объяснить целую вещь потому что если это целая вещь то она не нуждается в объяснении, она требует простой констатации. Что же до эмоционального переживания которое необходимо выразить любому кто живет повседневной жизнью и владеет всем за ее пределами то это опять же нечто такое что можно выразить только с помощью фраз, а не словами или предложениями. Любой должен быть в силах осмыслить эту вещь.

Я и впрямь по-настоящему определенно знаю что хотя кто-то может подумать что есть какие-то исключения на самом деле их не было кроме самого начала когда восемнадцатый век еще не закончился или ближе к концу когда начинался двадцатый век. На самом деле исключений не было.

Задумайтесь на самом деле задумайтесь о любом большом или любом малом произведении из написанного в девятнадцатом веке и вы увидите что это так что он существует своими фразами. Это относится к его поэзии в той же мере что и к его прозе. Сравните Джейн Остен с Энтони Троллопом и вы поймете что я хочу сказать и то как фразовый объем постепенно нарастает а когда вы будете читать Диккенса, сравните его а они оба сентиментальны с Клариссой Харлоу и вы поймете что я хочу сказать. Одна живет своей целостностью вещь относящаяся к восемнадцатому веку а вещь девятнадцатого века живет посредством своих частей. Вы понимаете что я хочу сказать что это связано с объяснением. То же верно и в отношении поэзии девятнадцатого века. Поэты озерной школы следовали иным идеям, они считали что ошибочно жить частями целого и они пытались и пытались они хотели служить Богу а не Маммоне, но и они неизбежно чем дольше и дольше писали живут частями целого, потому что в конце концов маммона и бог взаимозаменяемы ведь в девятнадцатом веке Англия жила своей повседневной островной жизнью и владела всем за ее пределами. О да вам и в самом деле это понятно. И так она идет все дальше и дальше а теперь подумайте о Теннисоне. Тут вы полностью поймете что я хочу сказать. И вот мы подходим к новой вещи. Я надеюсь вы бесповоротно осознали что девятнадцатый век писал фразами и написал он очень очень очень много и я все это прочла как и очень многие другие. Это очень успокаивает, это успокаивает больше чем другие вещи несмотря на то что очень многим людям которые это писали это не нравилось хотя они и знали что пишут именно так. Но написание фраз успокаивает, ощущение фраз это то что успокаивает и поэтому всем нам всегда нравится читать написанное в девятнадцатом веке, тем из нас кому нравится находить успокоение в том что затрагивает чувства.

Ощущаете ли вы написанное в девятнадцатом веке таким какое оно есть. Надеюсь. В самом деле надеюсь.

А ближе к концу девятнадцатого века неизбежно подступили перемены потому что в любом случае ничто не может продолжаться дольше чем в его силах.

И вполне естественно что это не могло продолжаться дольше чем в его силах как не может продолжаться и ничто другое. И вот здесь и возникает переход к американской литературе.

Весь девятнадцатый век американская литература шла своим путем и хотя может показаться что она делала то же что и английская литература на самом деле это не так и это не так по замечательной причине она не вела повседневную островную жизнь. Вовсе нет ничто не может быть настолько полностью отличным от повседневной островной жизни как повседневная жизнь любого американца. Это была настолько явно не повседневная островная жизнь что можно сказать наверняка что это была совершенно не повседневная жизнь.

Это краеугольное положение это то чем неизбежно является американская литература, это совершенно не повседневная жизнь.

Но прежде чем вообще продолжить эту тему я продолжу разговор об английской литературе и хотя с точки зрения перемен ничего особенного не произошло кое-что все-таки имело место и это действительно помогает установить связь с американской литературой.

Так как близился конец девятнадцатого века и Виктория осталась позади и англо-бурская война жизнь в Англии стала понемногу изменяться. Повседневная островная жизнь стала менее повседневной и обладание всем за ее пределами стало меньшим обладанием, и, и это следует запомнить, было очень много писавших но писали они не так хорошо. Я очень хорошо помню, я тогда была совсем молодой как сильно переживала за Англию потому что там не было, можно с полным основанием сказать что Киплинг был последним, никаких действительно первоклассных сочинений. Остальные сочинения того периода были второразрядной продукцией предыдущего поколения, молодое поколение создавало второразрядную продукцию предшествующего поколения, Уэллс, Голсуорси, Беннет и т. д. И с тех пор ничего не изменилось.

Но прежде чем это произошло было кое-что другое и оно находилось в связи с тем что должно было стать американской, американской манерой письма, можно сказать Мередит, Суинберн и т. д. и это имело отношение к тому что повседневная жизнь переставала быть столь повседневной и к тому же они начинали не знать всего об обладании всем что существовало вовне за пределами их повседневной жизни. И это имело отношение к подбору фраз.

Постепенно подбор фраз, это видно у Браунинга это видно у Суинберна и Мередита а кульминации это достигает у Генри Джеймса который будучи американцем знал что делал, можно заметить что даже фразы стали не нужны для того чтобы сделать чувство чувством чтобы сделать объяснение объяснением.

Как я говорю поскольку повседневную жизнь уже не проживали каждый день настолько утвердительно и все они уже не владели всем за ее пределами настолько непреложно, объяснение и выражение чувств уже не были неизбежны и поэтому фраза больше не удерживала в достаточной мере то что должна была удерживать и они уже больше не говорили того что думали и начинали не задумываться над тем о чем думают.

Это повлекло за собой нечто такое из-за чего перестали существовать ради самих себя и слова, и предложения, и подбор, это создало потребность в разбивке на абзацы, когда же завершался целый абзац от целого абзаца шло распространялось самостоятельное значение.

Если вы подумаете об упомянутых мною писателях вы поймете что я хочу сказать.

Как я сказала Генри Джеймс будучи американцем прекрасно знал что он делал когда делал эту вещь.

Осознаете ли вы в достаточной мере что тогда и началась действительно началась разбивка на абзацы.

Я однажды сказала в *Как писать* книге которую я написала о Предложениях и Абзацах, что абзацы эмоциональны а предложения нет. Абзацы эмоциональны не потому что выражают эмоции но потому что фиксируют или ограничивают эмоции. Сравните абзацы с предложениями любой абзац с любым предложением и вы поймете что я хочу сказать.

Так вот абзацы обладая свойством фиксации а также ограничения эмоций были естественным проявлением конца девятнадцатого века английской литературы. Повседневной островной жизни уже было недостаточно для ограничения повседневной жизни англичан, а владение всем за ее пределами уже не было ни фактическим ни определенным и поэтому эти вещи необходимо было чем-то заменить и на смену им пришли абзацы. Вполне ли вам понятно что я хочу сказать. Мне самой в полной мере понятно что я хочу сказать. Задумайтесь о Браунинге Мередите и Генри Джеймсе и Суинберне и вы поймете что я хочу сказать. Самих фраз, чувств выраженных фразами, объяснений посредством фраз благодаря чему весь девятнадцатый век был подобающим образом осознан и увиден уже не хватало для передачи всего того что любой мог подразумевать. А значит они нуждались в абзаце. Фраза перестала утешать, подсказывать и убеждать, они нуждались в целом абзаце. И вот так постепенно абзац вышел на первый план, не слова более ранней эпохи, не предложение восемнадцатого века, не фразы девятнадцатого века, но абзацы двадцатого, и, это правда, англичане не стали с ним работать а мы мы в американской литературе стали. В английской литературе они просто вернулись к девятнадцатому веку и несколько его ослабили, и это потому ну в общем потому что они сами были послабее. Что еще здесь скажешь.

Итак мы подходим к американской литературе и к тому почему они продолжали и мы это литература двадцатого века.

Я не буду много говорить о том о чем я скажу совсем немного об этом.

Я говорила я точно сказала что повседневная жизнь в Америке не была той самой повседневной жизнью. Если вы задумаетесь о разнице между Англией и Америкой вы это поймете.

В Англии повседневная островная жизнь была повседневной жизнью и она прочно утвердилась в качестве такой повседневной жизни и как правило они просто на нее полагались. Они настолько безоглядно полагались на нее что не описывали ее она просто у них была и они ее пересказывали. Просто так. А потом у них была поэзия, потому что все было замкнуто там вместе с ними и все эти вещи птицы звери лес цветы, розы, фиалки и рыбы все они были там и так как все они были там то простой рассказ о том что все они там был для любого поэзией. И там было очень много поэзии. Это и была английская литература и длилась она около пяти веков или еще дольше и ее очень много. Все это значит и было всем.

В Америке как я уже сказала повседневность не была повседневной жизнью и вообще говоря здесь нет повседневности. Каждый день не проживается. А раз каждый день не проживается то нет и повседневной жизни и поэтому ее нет как того о чем можно рассказать.

Несомненно некоторые из них что научились писать читая и естественно они научились писать читая то о чем повествует английская литература, некоторые из них попытались превратить это в рассказ о повседневной жизни повседневной американской жизни но и эти даже эти хотя они и сделали все что было в их силах по-настоящему ничего не добились потому что это не по-американски, рассказывать о повседневной жизни, потому что в Америке нет никакой настоящей нет никакой повседневной повседневной жизни. Поэтому конечно же о ней невозможно рассказать.

А теперь задумайтесь над тем как американская литература повествует. Она повествует о чем-то потому что это что-то не связано с тем что могло бы быть повседневной жизнью если бы она у них была.

Совершенно определенно это не так не так как в английской литературе.

Очень часто отмечали что американская литература почему-то больше связана с английской елизаветинской литературой чем с литературой более поздней а это если вы помните было в то время когда слова подбирались так что они соседствовали друг с другом и еще потому что в то время ощущать себя изнутри писателем было в некотором роде делом беспокойным потому что вещи были отделены одна от другой, один способ подбора чего угодно от другого способа подбора.

Так вот все это в значительной мере отличается от того что является американским но все же между ними есть определенная связь.

Остается сказать еще вот что.

Задумайтесь обо всем напористом американском письме. Внутри него есть нечто сродни разрыву, разрыву между тем что отобрано и тем из чего отобрали.

Задумайтесь о них, начиная с Вашингтона Ирвинга, Эмерсона, Готорна, Уолта Уитмена, Генри Джеймса. Они знали что между тем что отобрано и тем из чего идет подбор имеется разрыв значительный разрыв. Вам это конечно понятно.

Это и делает американскую литературу тем что она есть, чем-то что по-своему вполне обособленно. И она должна быть такой, потому что осуществляя свой подбор она должна, то есть не должна, она не должна иметь никакой связи с тем из чего подбирает.

Теперь вы видите насколько это отлично от английской литературы, которая почти полностью осуществляет то из чего подобрана, и в самом деле она осуществляет это настолько полно что никакого подбора нет в подборе нет никакой необходимости.

Вам и правда понятно о чем я говорю.

Так вот, и это нужно знать, американская литература была готова двигаться дальше, потому что то где английская литература перепила существовав потому что ей было некуда идти, американская литература всегда использовала как дальнейший путь.

Вы понимаете почему я вам так об этом говорю. И это на самом деле так, как вы легко поймете, если поймете чем всегда по-настоящему была американская литература и чем ей приходилось быть.

Вернемся к тому к чему пришли Генри Джеймс, и Браунинг, и Суинберн, и Мередит.

Я вам говорила что они прийти к тому что потребовался целый абзац для передачи того что настало. И так все они и сделали.

Все остальные остались на месте, это было тем к чему они пришли но Генри Джеймс знал что ему предстоит двигаться дальше. И это потому что это и правда переходило в американский способ. И поэтому хотя в определенном смысле все они делали одно и то же, у него было ощущение будущего а у них завершения. Это очень интересно.

Теперь вам действительно понятно что я хочу сказать.

Таким образом у английской литературы возникла потребность быть тем чем она стала. Браунинг Суинберн Мередит были больше не в силах продолжать, они пришли к тому к чему пришли, потому что хотя повседневная островная жизнь была по-прежнему повседневной островной жизнью все знали что она уже не такая какой ей надлежало быть а если она не могла быть такой владея всем за ее пределами то чем же вообще она могла быть. Они Суинберн Браунинг и Мередит тянули последнюю нить, им потребовался целый абзац чтобы превратить ее в нечто достойное упоминания и в результате абзац уже не выражал того что всегда выражала вся английская литература а именно что всегда в добром здравии или при смерти они всегда вели повседневную жизнь повседневную островную жизнь.

ЧТО ТАКОЕ АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вот где они остановились.

И вот как я говорю так как все нельзя сказать чтобы исчезло, но и не могло остаться неизменным, было необходимо задействовать целый абзац чтобы удержать хоть что-то. И на этом все и завершилось.

Тем временем Генри Джеймс продвигался вперед. Ему тоже был нужен абзац целиком потому что он тоже был просто участником этих событий, однако, и на это стоит обратить внимание, весь его абзац был обособлен то что он выражал оттого что он делал, то чем он был оттого что он удерживал, и над всем этим что-то парило не испарилось а просто парило, парило в вышине. Вам понятно насколько это неверно в отношении Суинберна и Браунинга и Мередита но что в отношении Генри Джеймса это верно.

И вот так получилось что Генри Джеймс попросту продолжил то чем всегда занималась американская литература, ее форма всегда была формой современной английской литературы, однако развоплощенный способ отделения чего-то одного от всего чего угодно и всего чего угодно от чего-то одного был американским. Тот ее способ при котором зачастую никто никогда не жил какой бы то ни было повседневной жизнью был американским.

Некоторые утверждают что это подавление но нет это не подавление это отсутствие связи, связи с жизнью и повседневной жизнью потому что ее нет, это и делает американское письмо тем чем оно всегда было и чем оно и дальше будет становиться.

Вот так-то.

И вот, когда абзац полностью сформировался, в это время появилась я и мне предстояло сделать с абзацем больше чем было сделано когда-либо раньше. И я думала что это у меня получилось. А потом я перешла к тому что было сугубо американской вещью к разъединению и я продолжала дробить абзацы на все более мелкие части, и дробила все что могла чтобы начать сначала отказавшись от каких-либо связей с повседневностью и в то же время чтобы по-настоящему что-то подобрать. Но это уже другая история а я и так достаточно всего сказала.

А теперь о служении богу и маммоне. Писатель призван служить богу или маммоне если пишет так как уже было написано или так как пишется то есть так как диктует письмо. Вот в чем состоит разница между служением богу и служением маммоне применительно к письму. Если вы пишете так как уже было написано так как письмо уже было написано тогда вы служите маммоне, потому что живете тем чем уже зарабатывает или заработал другой. Если же вы пишете так как вам должно писать тогда как писатель вы служите богу потому что ничего не зарабатываете. Если что-то и можно заработать вы не узнаете что такое зарабатывать и стало быть вы служите богу. Но на самом деле выбора нет. Никто не выбирает. Вы делаете то что делаете даже если не поддаетесь соблазну. В конце концов соблазн не слишком соблазнителен. Так что в любом случае вы ничего не заработаете. Вот такова она история английской литературы всего написанного по-английски как ее понимаю я.

Печатается по изданию:

Стайн Г. Автобиография Алисы Б. Токлас. Пикассо. Лекции в Америке / Пер. с англ. А. Ивановой. М., 2001.

Гертруда Стайн

РАЗЪЯСНЕНИЕ

Части рек и счастье.

Разъяснение.

Сначала Объяснение.

Разъяснение вопроса о части.

Части и чести.

Части рек и счастье.

Чести рек и счастье.

Видите ли части рек и счастье, части рек и счастье, видите ли части рек и счастье
суть части рек и счастье и видите ли, видите ли ведь нету счастья рек и части когда есть
части рек и счастье, видите ли есть возможность части рек и счастья.

Я отрицаю счастье рек и части отрицаю счастье. Я жестко отрицаю счастье рек и
части. Я принимаю части рек и счастье. Я допускаю части рек и счастье.

Мы разъяснили суть о части рек и счастье и допущение о части рек и счастье.

А вот и новая подготовка.

Не надо делиться.

Он не поможет.

Они умеют поразмыслить.

Я буду делать то же.

У меня есть объяснение на это и оно таково. Когда мы говорим, Не надо делиться,
он не поможет они умеют поразмыслить я буду делать то же, мы построили не-
правильную банальность и вернули крайности в бессвязный бред. Мне нравится такой
прием, но не особенно.

Мадригал и Мардиграс.

Я не против всего этого за исключением одной вещи того что они напоминают
мне об Эм то есть о прозвище Эммы. Мне всегда доставляло удовольствие написание
буквы М. Поэтому хотя Мардиграс и Мадригал вызывают у меня больше одобрения
чем можно было ожидать они не заставляют задавать больше вопросов и больше
ответов. Он выглядел как будто ему предстояло сдавать экзамен.

Теперь я приведу еще примеры.

Она есть и ее нет

Это лежит вон там

Задорно так говорят

Слишком задорно так говорят

Очень общительно.

Приведу вам другие примеры. Приведу один и тот же пример вам и вам.

Место. На месте,

Место для чего угодно и что угодно на своем месте.

На месте на месте чего угодно, на месте

Еще поищи меня.

Она искала меня и ласкала меня.